

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В19

Васякина Оксана.

В19 Ветер ярости / О. Васякина, Е. Писарева. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 176 с. – (Женский голос).

ISBN 978-5-17-112277-5.

Эта книга написана в удивительном и редком «жанре»: предельно личный разговор о травме, насилии и любви перемежается с еще более личными произведениями. Такая структура дает возможность погрузиться в произведения и контекст, в котором они создавались.

Тексты Оксаны Васякиной ломают привычное представление о поэзии и ее предмете. Сама жизнь, ее рутинные процессы и вещи бытовой реальности становятся поэзией. Цикл текстов «Ветер ярости», в честь которого названа книга, делает системное насилие над женщинами видимым.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-112277-5.

© Васякина О., текст
© Писарева Е., интервью, составление
© Панкевич С., фото на обложке
© ООО «Издательство АСТ»

**Посвящаю эти стихи своей матери,
Васякиной Анжелле
(17 августа 1970 г. — 18 февраля 2019 г.)**

ПОЧТИ ВСЁ О ЕВЕ

Когда я закончила читать эту книгу, то пошла гулять, потому что она требует прогулки, хочет, чтобы с нею погуляли. Как пишет ее автор, тексты и возникали во время ходьбы. (Внутри этого нарратива вообще есть некоторое количество инженерии внутреннего текстопроизводства, то есть то, что в советские годы называлось «секреты мастерства»; гулять и писать одновременно один из способов письма, это работа ритма, механики воображения.) Во время ходьбы стало понятно, с какой нарративной сопрягается в моем уме этот корпус текстов. Это рассказ одного грузинского сценариста, мы записывали с ним в Тбилиси программу через три года после русско-грузинского военного конфликта августа 2008-го. Он сказал, что во время русских бомбежек города хотел выбросить в окно собрания сочинений Пушкина и Толстого, но потом подумал: когда моя дочь подрастет, кто расскажет ей о первом бале Наташи Ростовской? Книги он выбрасывать не стал, в разговоре вспомнил известную позицию Милана Кундеры по поводу русских танков в Праге и ответственности русской культуры за Втор-

жение, а также полемику с ним Иосифа Бродского. Так вот, когда на сайте Радио Свобода появилась распечатка этой программы, никто не сомневался, что русские бомбили Тбилиси. Когда еще через пару лет я написала об этом разговоре в колонке на том же сайте, последовали комментарии пользователей: вы врете, вы что, с ума сошли? Как мы могли бомбить Тбилиси?? (Примечание: бомбили промышленные окраины, не центр и не жилые кварталы, но от этого жителям, в том числе русскоязычным, было не веселее.)

Очевидная вещь: Васякина достает из мира то содержание, о котором лучше не думать. Не то чтобы насилие как вертикаль власти и его конкретный антропологический конструкт, сексуальное насилие, было совсем уж закрытой зоной, это никакая не секретная лаборатория. То, что творится за закрытыми дверьми квартир и спален, обсуждается в мире и в России не только благодаря очередной волне феминизма, но и в результате усилий поп-культуры в ее голливудском варианте. Массовые изнасилования как инструмент военных действий и оружие массового поражения давно зафиксированы в исследованиях военных антропологов, конфликтологов, психологов на огромном материале XX и уже XXI веков. Просто большинство народонаселения здесь, на описываемой Оксаной территории, вообще не готово обсуждать устройство насилия, реагируя в том духе, что «мы не могли бомбить Тбилиси, мы хорошие, плохие не мы, они сами виноваты, они нас провоцировали». Как показывают события последней пары лет, от флешмобов в соцсетях до вполне конкретных кейсов внутри литературного сообщества, нет ни языка разговора (все заканчивается трусливыми полупризнаниями с после-

дующим развоплощением и нервными манифестами), ни юридического представления о процедурах, ни психологического прикрытия жертв, которые осмелились заговорить. Авторка по имени Оксана Васякина делает огромные сознательные усилия по созданию такого языка. Он может показаться простым, плакатным, вызывающим и педалирующим сторону обвинения. На самом деле это легкое, всего лишь легкое смещение фаллоцентрической и мизогинной оптики, к которой с младенчества приучают всех жителей этого падшего мира. Как заметила по поводу удивленных реакций мужчин-коллег на флешмоб #Янебоюсьсказать поэт Татьяна Зима, цитирую по памяти: да, именно это и происходит с вашими бабками, матерями, сестрами и дочерьми, именно это, и гораздо хуже.

Так получается, что всё нужно делать впервые, потому что никто больше за тебя не поделает, а ты почему-то видишь то, чего не могут видеть другие. Этим знанием честный человек обязан поделиться. Для этого «первого поступка» постепенно складывается, конструируется собственный язык, то, что называется «план выражения». Это связанные вещи: совместное психическое, умственное и мышечное усилие. То, что делает эту работу Оксаны очень ценной, это ее полная сознательность и осмысленность. Несколько раз в интервью, которое сопровождает корпус стихов, она говорит о том, что хотела найти смысл в том бедном существовании, которое вела ее семья, в этом несчастном быту, в униженном бытии. «Я пыталась понять... где в истории и искусстве место для моей бабушки и ее еды, за которую она так беспокоится, я не находила себя и бабушку в литературе, а мне хотелось, чтобы во всем, что происходит со мной,

даже в самом паршивом и неприглядном, был смысл». Тут Оксане Васякиной передает привет не Моника Виттиг и не Сьюзан Зонтаг, а самый что ни на есть базовый и популярный психоаналитик XX века, но не Фрейд, другой мужчина, который учил находить смысл жизни в наитяжелейших обстоятельствах. Собственно, это доктор Виктор Франкл, который утверждал, что человек каждое утро должен сам определять для себя смысл своего сегодняшнего дня, даже в концлагере. Вспоминается тут и замечание отца Брауна, то есть Честертона, что каждый человек для Бога очень важен, и важен одинаково, но для людей это одна из главных теологических проблем. Васякина своим собранием сочинений и высказываний дает развернутый ответ, в чем смысл ее жизни и в чем ее важность. Описать этот смысл для любого человека способен только язык воображения, а создать — острое чувство бытия здесь-и-сейчас, усердное вопрошание к существованию. Поэтому предьявление в книге такого сюжета, как ежедневный труд молодой интеллектуальной гастарбайтерки периода полураспада советской империи — это жест политический, разумеется, но и вполне религиозный, и естественно-антропологический.

То, как именно Оксана это сделала, заставляет меня снова вспомнить Наташу Ростову, ее первый бал, ее характер. То есть люди, которых не существует, не существует больше, и вряд ли они существовали бы для меня вообще, существуют теперь благодаря этому тексту. Как живого вижу ее отца, водителя-дальнобойщика, который постоянно молчал, читал газеты и умер молодым от СПИДа. Вижу ее мать, которая умерла от рака, пока создавались циклы этой книги, и умерла, ког-

да рукопись находилась в работе. Я даже представляю себе читателя-читательницу, которые позавидуют этой романтической биографии, позавидуют тому, как круто путешествовать автостопом, жить в Кузьминках, быть лесбиянкой и таскать пачки книг в Электротеатре, круто иметь таких родителей и жить в молодости в такой жопе мира, как Усть-Илимск. (Нет, друзья, сделайте это самостоятельно, пожалуйста.)

Это женский мир, выстроенный с первооснов женского ребенка. Оксана выстраивает его, как в первый раз, поэтому так видны его нелепости, магическая структура и антиразумные противоречия. Мать, бабки, тетки, подруги и возлюбленные, их повадки и стереотипное поведение хорошо изучены и рассказаны. Ева создана не из ребра, а из принуждения. Ее дурное поведение приписано ей позднейшим образом. Она хочет быть собой и быть счастливой. Это очень простые желания. Это почти всё о Еве.

Елена Фанайлова

Мы познакомились, когда я делала материал о современных молодых поэтах для Афиши Daily. Оксану я видела и ранее — мы учились в Литинституте и кратко пересекались на пространстве тесного институтского двора, но как-то никогда не разговаривали. Я знала, что она была на пару курсов младше и училась на семинаре у Евгения Сидорова¹, что тусила в кругу молодых поэтов, что делала какие-то социально важные акции. Через несколько лет после (моего) выпуска, ко мне попала в руки книга «ветер ярости» — и я не могла думать ни о чем, кроме женщины, написавшей эти тексты. Это не было похоже на литинститутскую лирику: она разламывала сознание и стереотипы. Напечатанная на принтере брошюрка, тоненькая и беззащитная, совершенно поразила меня: свободой, радикальностью, бесстрашием, отчаянием. Не предназначенная для мужских рук, она выглядела манифестом женского освобождения, способом преодоления травматичного опыта угнетения. Было понятно, что каждое слово здесь выстрадано и — при всей простоте — обладает какой-то заклинательной мощью. Я пообщалась с Оксаной о том, как травмы и время влияют на формирование поэтической речи, и поняла, что это разговор, который хочется продолжать. Потому что это тоже — поэзия.

Екатерина Писарева

¹ Евгений Сидоров — советский и российский литературный критик, профессор Литинститута.

— Оксана, все твои тексты основываются на жизненном опыте, насколько я понимаю. Но начнем издалека. Ты знаешь историю своего рода?

— У меня мало информации о моей семье, но кое-что я знаю. По материнской линии — это те крестьяне, которые переселились на Камчатку при Петре, потом часть семьи переехала на станцию Зима. Со стороны отца — тоже крестьяне, жили в Астраханской области; я помню своих прадеда и прабабку, когда я была маленькой, они уже были на пенсии. Мой прадед был рыбак, а прабабушка стряпала бесконечные пироги из рыбы и садовых яблок. Она знала старые молитвы, она пронесла их сквозь всю жизнь в засаленной тетрадке, рассказывала мне, что во время войны в селе остались одни женщины, и они собирались в ее доме, переписывали эти молитвы, потому что верили, что тогда мужчины придут живыми. Когда я говорю людям, что родилась в Сибири, все думают, что я внучка декабристов или тех, кто пострадали от сталинских репрессий, но это не так. Мне кажется, что мои предки были очень похожи на героев фильма Кончаловского «Сибиряда», они жили себе на протяжении всего двадцатого века в своих лесах и только слышали о революции, коллективизации, голоде, войне; история бьет их, но только по касательной, в остальном они хранят свой уклад. Может быть, все было совершенно по-другому, но мне хочется верить в такой порядок вещей.

— Насколько твои тексты зависят от твоей биографии?

— Максимально. Конечно, в них есть художественная составляющая, но она присутствует в моих текстах толь-

ко в качестве метафоры. Я не понимаю, как можно писать литературу, оторванную от жизни, — это невозможно. У меня есть моя жизнь, я ее пишу вместе с текстами.

— То есть если жизнь скучная, обыденная — тексты не рождаются?

— Мне кажется, моя жизнь очень скучная, думаю, я пишу, чтобы эту скуку наделить ценностью. Мои тексты состоят из скучных невзрачных вещей — магазина «Пятерочка» и парка Кузьминки. Иногда из ужасных — насилия и боли. Я помню, когда я была маленькая, я смотрела на бабушку, которая пила чай из граненого стакана, и пыталась понять, где в истории и искусстве место для моей бабушки и ее еды, за которую она так беспокоится, я не находила себя и бабушку в литературе, а мне хотелось, чтобы во всем, что происходит со мной, даже в самом паршивом и неприглядном, был смысл.

— Всего в книге шесть циклов. Расскажи, хронологически что за чем появлялось?

— «ветер ярости» я писала вместе с циклом про книжный магазин — «Эти люди не знали моего отца». А потом уже появились «Кузьминки» и текст «Что я знаю о насилии», который вышел на Кольте, потом «Сибирь» и «Проспект мира».

— Расскажи мне о них, в каком состоянии ты была, когда появлялся каждый? Что повлияло на появление этих текстов?

— Давай по порядку...

КУЗЬМИНКИ

Москва — удивительное место, она включает в себя много разных городов, я особенно люблю спальные районы, потому что когда ты в них оказываешься, ты попадаешь в любой маленький российский город. И вся зелень и хрущевки, особенный темп времени внутри этих районов напоминают мне Усть-Илимск. В Кузьминках мы жили в крохотной квартире-хрущевке, в такой квартире я росла и прожила 17 лет, во дворе этого дома я сушила белье и выходила покурить к подъезду. Там много бездомных котов и особенный провинциальный шум, который невозможно найти в центре Москвы. Мы прожили в Кузьминках два года, почти каждый день я ходила в парк, парк там потрясающий, и потрясающее время в этом парке — оно очень медленное, как будто сгущающее все вокруг. И Кузьминки заставили меня вспомнить то, чего мне до переселения туда помнить не хотелось — свое детство и чувство дикого одиночества, а еще щемящей любви. Я приходила из парка после прогулки и писала про Кузьминки.

я вхожу в храм
я рассматриваю его как музей
богородица и иисус в золоте в бирюзе
складки золотые на шее матери богородицы
золотые кольца каменные бусы серьги
на золотых цепях как грибы
за стеклом у задумчивых лиц святых
золото как виноград как ягоды спелые

в храме всегда осень
увядают старухи среди золотых облачений
ясно-голубой купол бесконечным утренним небом
на меня засмотрелся

и кто-то позвал
старуха потянула меня за рукав
чтобы я обернулась как многие здесь
дать дорогу священнику
его ухоженной бороде
дыму кадила

и я увернулась от дыма
я хотела разглядеть его лицо
и выражение взгляда

он шёл золотой механической куклой
и другие кланялись ему тысячу раз
как колоски